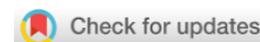
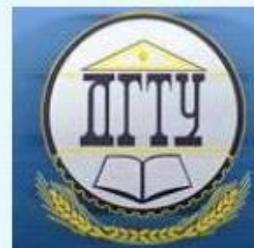

СОЦИАЛЬНАЯ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ ФИЛОСОФИЯ

УДК 327

Научная статья

<https://doi.org/10.23947/2414-1143-2024-10-1-7-13>

Особенности современных геополитических споров стран Северного Причерноморья

А.А. Кузубов

Донской государственный технический университет, Институт опережающих технологий «Школа Икс»,
г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация

✉ alexseyk@gmail.com

Аннотация

Введение. Современный регионализм в политических практиках сопредельных государств Причерноморья стал проявлением различных процессов: в одном случае, как механизм децентрализации и либерализации в рамках глобальных интеграционных тенденций, а в другом, как практика реализации постимперских геополитических идеологий. В этом случае в конечном варианте он направлен на разрушение территориального статус-кво. Такие процессы на стадии зарождения и оформления проявятся в виде политики «мягкой силы» и происходят под ширмой «возрождения» нации и справедливости.

Материалы и методы. В данном исследовании использованы межотраслевой и диалектический научные подходы. Первый способствовал привлечению отдельных идей из арсенала философии, социологии, истории, правоведения. Второй обеспечил поиск истины через установление связей между разного рода противоречивыми позициями. Кроме того, применяются: системный метод, который позволил проанализировать соотношение между родственными понятиями, которые характеризуют символическую реальность; структурно-функциональный метод, посредством которого выявлены структурные уровни влияния символов и особенности осуществления символической геополитики.

Результаты исследования. Продемонстрировано, что информационные и коммуникационные пространства стали ареной для политических действий государств, проводящих в регионе целенаправленную культурную и мемориальную политику. Целью таких мер провозглашается забота и защита соотечественников, сохранение памяти о совместном прошлом, создание условий для интегрирования региона в семиотическую и институциональную систему государства.

Обсуждение и заключение. Сделан вывод, что все субъекты региональных геополитических отношений рассматривают трансграничье Северного Причерноморья как стратегическое пространство для дальнейшего национального развития. При этом отмечено, что национальные стратегии в начале XXI в. были трансформированы за счет расширенного толкования наций, которые вышли за государственные границы и включили в свой состав зарубежных соотечественников, потерявших гражданство, родственные этнические группы, а также исторические и этногенетические пространства, которые в прошлом принадлежали государствам и понимаются как «потерянные».

Ключевые слова: трансграничье, региональная политика, мемориальная политика

Для цитирования. Кузубов А.А. Особенности современных геополитических споров стран Северного Причерноморья. *Научный альманах стран Причерноморья*. 2024;10(1):7–13. <https://doi.org/10.23947/2414-1143-2024-10-1-7-13>

Original article

Peculiarities of Modern Geopolitical Disputes of the Northern Black Sea Region Countries

Alexey A. Kuzubov

Don State Technical University, Institute of Advanced Technologies “School X”, Rostov-on-Don, Russian Federation

✉ alexseyk@gmail.com

Abstract

Introduction. Modern regionalism in the political practices of the neighboring states of the Black Sea region has become a manifestation of various processes. In one case, as a mechanism of decentralization and liberalization within

the framework of global integration trends, and in the second, as a practice of implementing post-imperial geopolitical ideologies. In this case, it is ultimately aimed at destroying the territorial status quo. Such processes at the stage of inception and formalization will manifest themselves in the form of a policy of “soft power” and occur under the guise of the “rebirth” of the nation and justice.

Materials and methods. This study uses interdisciplinary and dialectical scientific approaches. The first contributed to the attraction of individual ideas from the arsenal of philosophy, sociology, history, and jurisprudence. The second ensured the search for truth through the establishment of connections between various kinds of contradictory positions. In addition, the following was used: a systematic method, which made it possible to analyze the relationship between related concepts that characterize symbolic reality; structural-functional method, through which the structural levels of influence of symbols and features of the implementation of symbolic geopolitics are identified.

Results. The article demonstrates that information and communication spaces have become an arena for political actions by states pursuing targeted cultural and memorial policies in the region. The purpose of such measures is declared to be the care and protection of compatriots, preserving the memory of a common past, and creating conditions for the integration of the region into the semiotic and institutional system of the state.

Discussion and conclusion. It is concluded that all subjects of regional geopolitical relations consider the transborder region of the Northern Black Sea region as a strategic space for further national development. It is noted that national strategies at the beginning of the 21st century. were transformed through an expanded interpretation of nations that went beyond state borders and included foreign compatriots who had lost citizenship, related ethnic groups, as well as historical and ethnogenetic spaces that in the past belonged to states and are understood as “lost”.

Keywords: transborder, regional policy, memorial policy

For citation. Kuzubov A.A. Peculiarities of modern geopolitical disputes of the Northern Black Sea region countries. *Science Almanac of Black Sea Region Countries*. 2024;10(1):7–13. <https://doi.org/10.23947/2414-1143-2024-10-1-7-13>

Введение. Северное Причерноморье на протяжении веков остается зоной геополитического противостояния пограничных государств. Выстраивая свою геополитическую субъектность, региональные игроки рассматривают регион как пространство нациогенеза, политогенеза или этногенеза титульного народа. Практики социально-политической активности в приграничье со стороны этих государств демонстрируют различные механизмы влияния на региональные социальные процессы и различные формы региональной политики.

Региональная политика предусматривает поиск исторических аргументов для легитимизации политических действий с целью поиска интерпретаций прошлого и создания долгосрочных мемориальных стратегий, которые подкрепляют современную версию нациогенеза. Итак, диахронное измерение региональной политики создает фундамент для обоснования «исторического права» государства на пространство. Синхронное измерение региональной политики ориентировано на формирование лояльности населения к политическому центру за счет социальных действий в сферах бытовых отношений, инвестирования, образования (формирование лояльной интеллигенции), информации (формирование региональной памяти и коммуникационных приоритетов).

При этом государство «входит» или «возвращается» в региональную структуру в качестве бенефициара. Инвестирование позволяет установить социальные связи и выступать в качестве субъекта хозяйствования, как культурный и социальный меценат, действующий, учитывая свои геополитические интересы.

Материалы и методы. Используются общенаучные методы, применяются системный, структурно-функциональный и институциональный подходы к анализу региональной геополитики стран Северного Причерноморья.

Результаты исследования. Анализируя «карту» Северного Причерноморья как пространства, которое является исторической частью великих империй, обращаем внимание на расколы, которые внесли их границы в региональную социокультурную структуру (между христианским и мусульманским миром, между латинизированным пространством романской культуры и культурой кириллического письма Восточного христианства, между культурой земледельческого населения и кочевников и т. д.).

Региональная структура как результат расколов социо-политического пространства характеризуется уникальными чертами: 1) формирование анклавов «периферийного населения», которому присуща множественная идентичность [1]; 2) сосуществование перекрестных коммуникационных пространств, которые образуют дискретно-континуальную систему многоуровневого взаимодействия; 3) «фантомные границы», которые проявляются во время электоральных процессов, выбора направлений миграции, формирования векторов интеграции локальных субъектов региона.

Северному Причерноморью присущи черты «буферного пространства». Каждая из империй, которая владела этим пространством, осмысливала его как барьер, обеспечивающий недостижимость «центра»: а) строение крепостей, засек, организация военных поселений; б) создание условий для заселения региона лояльным к власти населением; в) проведение протекционистской политики в регион.

Социальный протекционизм предусматривал создание льготных «социальных лифтов», особенные социальные и экономические статусы для населения, предоставление автономий или права на самоуправление.

Экономический протекционизм проявлялся в виде налоговых и таможенных льгот, порто-франко, специальных режимах пограничного перемещения, создания инфраструктурных объектов.

Пока регион оставался «внутренней периферией» империи, он создавал условия для защиты «центральной структуры» и обозначал пространственную границу своей территории. Но в ситуации конфликта выступал объектом «торга», «жертвы», «завоевания» как в период русско-турецко-польских войн XVII – XIX вв. или мировых войн XX в. Подвижность политических границ объясняет большое количество реликтовых границ на севере Черного моря – «объедки» конкуренции между нациями, государствами (ст. Роккан). Они проявляются во время избирательных компаний, в условиях выбора стратегии развития в государстве, в ситуации культурных и статусных конфликтов.

В силу неустойчивости политического влияния и слабости центральной власти в регионе, его статус можно интерпретировать и как «внешнюю» периферию. В пользу такой характеристики свидетельствует обращение к морю и к другим «периферийцам». Это дает основание рассматривать Северное Причерноморье как трансграничную систему. Удаленность от политического «центра» объясняет слабость и неактуальность национальной идентичности во всех региональных исторических группах.

В регионе наблюдается стремление к формированию автономистских образований (региональных «республик»), но обычно без претензий к самоопределению. Автономизм перед лицом частых изменений «центра» рассматривается как механизм, способный сохранять социальную структуру и гарантировать стабильность жителям приграничья. Политизацию региональных групп можно рассматривать как последствия стратегических акций за пределами их собственного контроля и результат внешнего воздействия. В Причерноморье этот подход актуален в отношении Гагаузской, Бессарабской и Крымской ситуаций.

Если «периферию» мы определяем по отношению к центру, то культурное меньшинство – по отношению к большинству, которое устанавливает нормы национальной культуры. Современная этническая карта Северного Причерноморья – результат геополитических трансформаций последних двухсот лет. Большинство народов, проживающих в регионе в ретроспективе, обладали «титულным» статусом и воспринимают себя как «коренных» жителей (греки, евреи, татары, молдаване, румыны, русские, украинцы, и другие), чья история является частью истории регионального пространства. В то же время большинство значительных диаспорных групп – этнические анклав населения, оказавшиеся за пределами Родины, могут рассматриваться как «диаспоры катаклизма», образованные во время движения политических границ. Закономерно, что их идентичность характеризуется как «капсульная», «диффузная», «кластерная», «кризисная», «гибридная».

Все перечисленные характеристики пространства объясняют тезис о том, что «периферии» всегда было сложно завоевать, и ими трудно управлять. Они несут угрозу автономизации или тяготеют к соседним государствам. Поэтому социальные и мемориальные практики, реализующие в таких пространствах конкурентные центры, ориентированные на включение их в семиотическое пространство государств и на инкорпорацию пограничных групп к собственным социальным структурам. Комплексные региональные программы «расширения» за счет родственных пространств и групп предусматривают актуализацию предыдущих социокультурных разломов с целью их углубления и «отвердения».

Регионализм в практиках сопредельных государств стал проявлением различных процессов. В одном случае он сформировался как механизм децентрализации и либерализации в рамках глобальных интеграционных (Болгария, Россия). Во втором, как практика реализации постимперских геополитических идеологий (Турция, Румыния, Польша), когда регионализм направлен на разрушение территориального статус-кво под прикрытием возрождения нации и справедливости. Да, Северное Причерноморье является ареной геополитических проектов, отражающих постимперские амбиции государств: «Межморье», «Великой Румынии» и «Великой Болгарии», «Тюркского пояса». Эти проекты вошли в основу стратегий национального развития государств-соседей. Остановимся на формировании политик в некоторых странах региона: Румыния, Болгария, Турция.

Идеи «возрождения» Румынии во времена президентства Трояна Бесеску (2004–2014 гг.) привели не только к возрождению политического унионизма, но и к материализации территориальных претензий в приграничных зонах. «Возрождение Румынии» представляется как территориальное объединение Румынии, Молдовы, Бессарабии, Марамурешу и Южной Буковины. Сферой влияния унионизма стали «утраченные территории», которые в практической идеологии представлены как «временно оккупированные». В 2017 г. Парламент Румынии установил государственный праздник «День объединения с Бессарабией» (27 марта). В Украине и Молдове эта дата обозначена как «День оккупации Бессарабии». Возрождение пантюркизма в Турецкой Республике стало заметно со второй половины XX в., когда этой идеологией овладела партия «Национальное действие». В 2018 г. во время парламентских выборов партии «Национальное действие» и «Справедливость и развитие» образовали «Народный Альянс», который получил 61,4 % голосов избирателей. Изменения в Конституции по расширению возможностей президента рассматриваются как возвращение к «османизму».

Неоосманизм – неофициальная доктрина Турции по расширению сферы влияния на смежные территории за счет «мягкой силы». Составляющая неоосманизма – неопантюркизм, предполагает интеграцию тюркских государств, исходя из их культурной близости. На пантюркистскую основу программы правящей коалиции указывает труд «Стратегическая глубина» (2001 г.) А. Давутоглу (2014–2016 гг. – Премьер-министр Турции). Политик обосновывал путь, который должна пройти Турция, чтобы превратиться в регионального лидера на «постосманском»

пространстве. Под его руководством оформлена доктрина «ноль проблем с соседями», которая превратилась в средство обоснования управления процессами в пространствах сопредельных государств [2]. Современная геополитика Турции реализуется за счет регионов проживания тюркских народов («тюркский пояс»).

В Причерноморье ее объектом являются крымские татары и православные гагаузы. Идею «тюркского пояса стабильности» развивает Всемирная ассамблея тюркских народов, главной задачей которой стало создание Содружества тюркских государств [3].

В 2009 г. состоялась институализация Совета сотрудничества тюркских государств (Тюркский совет). Эта трансгосударственная структура включила советы глав государств, министров иностранных дел, старейшин, заслуженных деятелей внешнеполитических ведомств и постоянный секретариат. Содружество стало первым институциональной структурой, объединившей «тюркский мир».

Северное Причерноморье остается лимитрофом для восточного христианства. Религиозные войны как идеологическая составляющая геополитических конфликтов, не покидающих это пространство на протяжении тысячелетия.

Современный процесс создания поместной церкви в Украине обнажает конфликт времен Вестфальской эпохи, когда был актуален тезис «чья власть – того и вера». Спор между Константинопольским и Московским патриархатом в отношении канонической территории и полномочий первого патриарха связан с глобальным реструктурированием в мировой системе центр-периферийных отношений. В контексте этих процессов происходит смещение акцентов в концепции «Русского мира», которая приобретает альтернативные формы: «союз восточнославянских православных народов», «православный мир».

В последнее десятилетие изменена Национальная стратегия Республики Болгария. В 2014 г. Министерский совет принял новую «Национальную стратегию для болгарских граждан и болгарских исторических сообществ по всему миру» [4]. Согласно документу, болгарская нация трактуется как этнокультурное образование трансгосударственного характера. Интеграция всех этнических болгар мира в единую систему социокультурных отношений представлена как задача государства.

Эпоха Европейского постмодерна изменила актуальное пространство взаимодействия политических игроков, в новых условиях информационное пространство стало выполнять функции пространства географического, и пост-факты приобрели возможность порождать политическую реакцию.

Маркером развития регионалистских программ и оформления проектов геополитического «расширения» является политика и практика привлечения бывших соотечественников в сферу контроля государства. Среди всех причерноморских государств наиболее развитыми такие «политики» являются в Румынии и Болгарии.

В Румынии началом формирования такой политики стал 2007 г. с принятием закона «О поддержке румын во всем мире» 2007 г. [5]. Однако еще в 1991 г. Закон «о румынском гражданстве» называл соотечественниками всех, кто на основании «права почвы» имел возможность доказать наличие родственников, родившихся на территории Румынии до 1940 г. [6]. С 2009 г. для этой категории соотечественников внедрен Закон «об упрощении предоставления гражданства лицам, которые проживали на территории Румынии». Наличие граждан за рубежом дает повод поднимать вопросы гуманитарного характера в сфере культуры и в отношении споров на границе. «Концепция национальной безопасности Румынии» 2007 г. закрепляет цель защиты румынских граждан, их прав и свобод [6]. Паспортизация в приграничных регионах Украины подогревается «прагматичным унионизмом», который в условиях системного кризиса легализует эмиграцию в ЕС. «Новые румыны» часто имеют множественное гражданство (украинское, румынское, болгарское, российское, молдавское и т. д.), что закрепляет традиционную для региона гибридную идентичность.

В Болгарии политика «заграничных болгар» начала развиваться в начале 90-х гг. XX в. Первым документом стало постановление Совета Министров № 103 «О проведении образовательной деятельности среди болгар за границей». Закон о болгарском гражданстве 1999 г. и Закон о болгарском гражданстве болгар, проживающих за пределами Республики Болгария 2000 г. [7], создали базу для взаимоотношений государства и региональных диаспор. Такая политика продолжает развиваться, о чем свидетельствует проект закона «о болгарях, проживающих за пределами Республики Болгария» 2015 г. [8].

С 1999 г. политика привлечения соотечественников развивается в России. Закон 1999 г. «О государственной политике РФ по отношению к соотечественникам за рубежом» был обновлен в 2010 г. [9]. Основное внимание Закон уделял отношениям с соотечественниками за рубежом в качестве важного направления своей внешней и внутренней политики и заявлял, что соотечественники, проживающие за рубежом, вправе полагаться на поддержку Российской Федерации в осуществлении своих гражданских, политических, социальных, экономических и культурных прав, сохранении языка и самобытности.

Расширение и упрощение механизмов привлечения соотечественников стало предметом обсуждения только в 2018 г. с выдвижением проекта закона «О внесении изменений в закон» «О гражданстве» [10]. По результатам VI Всемирного конгресса российских соотечественников в Москве в 2018 г. заявлено о принятии новой Концепции государственной миграционной политики, которая должна предусмотреть программу взаимоотношений с соотечественниками за рубежом.

Самой молодой среди всех государственных политик в отношении соотечественников является политика Турецкой Республики. Среди законодательных актов есть только обновленный в 2017 г. Закон «о турецком гражданстве» 2009 г. [11; 12]. Закон впервые предусматривает льготы (предоставление «голубой карты») для

получения гражданства соотечественниками за рубежом, но только если в государстве проживания турок не установлено двойное гражданство. Были упрощены механизмы привлечения диаспоры к участию в общественно-политической жизни (появилось право принимать участие в выборах, находясь за рубежом, и проводить коммерческие операции за рубежом).

Государство, выстраивая отношения с соотечественниками, может делать упор на демографических и миграционных процессах, но может способствовать закреплению диаспоры в регионе и создавать систему регулярных связей с ее структурами, которая в этом случае является опорой для внедрения экономических и политических интересов метрополии. Создавая институциональные и правовые механизмы политики к соотечественникам, государство интегрируется в систему сетевых транснациональных отношений, получая рычаги в мировой политической системе.

Институализация в сфере диаспоральной политики государств региона достигла значительного развития. В Румынии с 1995 г. действует Совет по проблемам румын за рубежом при премьер-министре. В 1998 г. был создано Государственное подразделение безопасности для румын за рубежом, а в 1999 г. отдел отношений с румынами за границей. Впервые самостоятельный орган, руководивший государственной политикой по связям с диаспорой, был создан в 2000 г. – Департамент румын за границей, который подчинялся в разные годы Министерству общественной информации, Генеральному секретариату правительства, канцелярии Премьер-министра.

В 2005 г. был создан Департамент повязок с румынами при Министерстве иностранных дел, с 2009 г. подчиненный Премьер-министру [6]. Объектом внимания Департамента стали румынские меньшинства в Украине, Болгарии, Сербии, Венгрии и Албании, он занимался вопросами румынских школ, румынского гражданства, политики укрепления идентичности румынских общин.

В 2017 г. в Румынии появилось «Министерство румын отовсюду» как наиболее высокий институциональный уровень, создаваемый только государствами, где диаспора играет роль структурной единицы национально-государственной системы. Правительство Румынии в 2017 г. приняло «Национальную стратегию для румын отовсюду», содержащую программу на период 2017–2020 г. [13].

В Парламенте Румынии действуют комитеты, занимающиеся проблемами румын отовсюду, действует «Комиссия румынских общин за пределами страны» в Палате депутатов, а в Сенате – «Комиссия румын со всего мира». Палата депутатов созывает Конгресс румын за границей и обеспечивает его компанию.

Развитую институциональную систему для реализации политики в отношении зарубежных соотечественников создала Болгария. Можно выделить органы общей компетенции в системе государственной власти: Комиссия по болгарскому гражданству и болгарам за границей действует при администрации Президента Болгарии (действует с 22.05.2012 г.); Межведомственная комиссия по болгарам за границей при Министерстве образования и науки Болгарии по инициативе МОН открыта Дирекция, отвечающая за болгарские школы за пределами страны, действует Ассоциация болгарских школ за границей; Дирекция «Болгарское гражданство» и Совет по гражданству действуют при Министерстве юстиции Болгарии. В целом реализация государственной политики по болгарам, проживающих за пределами Республики Болгария, остается по Совету министров [8; 14].

Кроме того, созданы специальные органы, отвечающие за политику Болгарии в отношении болгарского сообщества за границей. Первым государственным органом, в названии которого было использовано понятие «болгары за границей» стал Комитет по работе с болгарскими за границей (действовал с 1982 по 1991 г.). Комитет объединял черты государственного и общественной организации. В 1991 г. была создана Международная ассоциация болгар. Это общенациональная, общественная организация, которая занималась реализацией государственной политики в отношении лиц болгарского происхождения за границей. В 1992 г. было создано Государственное агентство по делам болгар за рубежом как координационный орган правительства по реализации государственной политики по отношению к соотечественникам во всем мире.

Следовательно, институциональная система Болгарии в Причерноморском регионе является самой развитой, что объясняется влиянием диаспоры на процесс создания национального государства. Для Болгарии ее диаспора – это прочная лоббистская структура за границей, которая должна создавать дополнительный ресурс для государства. Несколько похожа аргументация в Турции. Она формирует политику взаимодействия с диаспорой, исходя из стремления избавиться от статуса регионального государства и получить влияние на мировые международные процессы.

Развитие зарубежных диаспор здесь связано с трудовой миграцией. Начиная с 1960-х гг., формировалась система двусторонних соглашений между Турцией и европейскими государствами. В настоящее время такие договоры подписаны с 32 странами [15]. Потребность в координирующем органе была удовлетворена только в декабре 2002 г., когда решением Совета министров было создано Управление турецких граждан, проживающих за границей. Работу Управления направляли на создание крепкого турецкого лобби, которое должно было стать конкурентом армянским и греческим группам давления в Европе и Америке.

Именно в то время была артикулирована идея создания Министерства диаспоры по образцу аналогичной структуры в Армении. В марте 2010 г. понятие «родственные народы» было зафиксировано в названии государственного института, который занимался диаспоральной политикой – было создано Управление по делам турок, которые проживают за границей, и родственных народов. Это понятие в зависимости от ситуации толкуется в разных контекстах: религиозном (все единоверцы), этническом (все турки), и даже имперском (население регионов, являвшихся частью Османской империи). Ответственным за работу агентства назначен министр труда и социальной защиты – Фарук Челик [16].

В ноябре 2018 г. в Анкаре на встрече руководителей государственных органов и организаций, ответственных за диаспоральные вопросы Совета сотрудничества тюркоязычных государств, была принята «Совместная стратегия действий Тюркского Совета тюркоязычных диаспор» и «Совместный план действий для тюркоязычных диаспор на 2018–2019 гг.». Существенным является факт, что первая «контактная группа ответственных лиц по делам диаспоры» была создана при РСТД в 2009 г. И так, уже 10 лет происходит консолидация диаспоральной, трансгосударственной системы на основе социокультурных связей в пределах тюркского мира.

Обсуждение и заключение. Северное Причерноморье остается пространством конкурентных стратегий пограничных государств. История социально-политических расколов в регионе проявляется в форме фантомных и реликтовых границ, локальных этнокультурных групп с множественной идентичностью и в наличии трансграничных социокультурных систем, которые охватывают региональные диаспоры, выводя их на мировую арену. Пограничные государства в течение последних десятилетий сформировали функциональные институциональные и правовые системы, которые позволяют им оказывать последовательное и системное влияние на регион через местные региональные и родственные группы, выступая в качестве покровителей. Локальные этнокультурные группы стали реципиентами региональных политик приграничных государств, что предопределяет реализацию в регионе различных версий исторической правды, политической целесообразности и социальной справедливости.

Список литературы

1. Трошин А.С., Столярова З.В., Липунов С.А. Практическая реализация эффективного механизма интегрированных структур через построение региональной инновационной системы. *Инновации и инвестиции*. 2023;2:235–241.
2. Смирнова П.Е. Исторические корни неоосманизма во внешней политике Турецкой республики. *Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского*. 2023;1:56–66. https://doi.org/10.52452/19931778_2023_1_56
3. Ерицян А.Д. Эволюция внешнеполитической стратегии турецкой республики после 2002 г. *Вестник Забайкальского государственного университета*. 2019;25(4):47–53. <https://doi.org/10.21209/2227-9245-2019-25-4-47-53>
4. Уманская Л.А. Политическая правящая элита современной Болгарии: специфика и проблемы. *Каспийский регион: политика, экономика, культура*. 2019;58(1):169–174. <https://doi.org/10.21672/1818-510X-2019-58-1-169-174>
5. Чеботарь О.Г. Политика Румынии в Черноморском регионе на современном этапе. *Обозреватель*. 2019;12:37–49.
6. Драган Д.Г. Черноморский регион: взгляд из Бухареста. *Вестник Дипломатической академии МИД России. Россия и мир*. 2019;22(4):103–113.
7. Бистрина М.Г. Политика Болгарии в Черноморском регионе. *Проблемы постсоветского пространства*. 2019;6(3):279–287. <https://doi.org/10.24975/2313-8920-2019-6-3-279-287>
8. Якунин В.И., Акаев А.А., Кочетков А.П. [и др.] Вызовы времени: Устойчивость государства в условиях современной трансформации. *Вестник Московского университета. Сер. 12: Политические науки*. 2021;4:7–21.
9. Акимова А.О., Акимов О.О., Семенько Л.С. Политика России в отношении соотечественников за рубежом: потенциал развития. *Постсоветский материк*. 2023;37(1):88–100. https://doi.org/10.48137/23116412_2023_1_88
10. Зинченко Е.Ю., Хазов Е.Н. Особенности конституционно-правового статуса соотечественников в Российской Федерации. *Актуальные проблемы административного права и процесса*. 2021;2:15–21.
11. Высоцкий П.А. Политика Турции в Черноморском регионе. *Вестник Дипломатической академии МИД России. Россия и мир*. 2023;37(3):80–91.
12. Давлетбаков С.К. Пантюркизм и современная внешняя политика Турции. *Скиф. Вопросы студенческой науки*. 2022;70(6):230–234.
13. Драган Д.Г. Трансграничная политика Румынии на примере «еврорегионов». *Проблемы постсоветского пространства*. 2020;7(2):227–236. <https://doi.org/10.24975/2313-8920-2020-7-2-227-236>
14. Афанасьева И.И., Воронкова О.Н. Шоки современной мировой экономики и их последствия. *Вестник Ростовского государственного экономического университета (РИНХ)*. 2020;70(2):17–25.
15. Гетов П.В. Стратегия национальной безопасности в рамках сотрудничества ЕС – Турция. *Вопросы политологии*. 2019;9(5):1083–1092.
16. Кудяров К.А. Турки за пределами родины: иммиграция, этничность и религия. *Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 9: Востоковедение и африканистика*. 2021;4:6–30. <https://doi.org/doi.10.31249/rva/2021.04.01>

References

1. Troshin A.S., Stolyarova Z.V., Lipunov S.A. Prakticheskaya realizatsiya effektivnosti mekhanizmov integrirovannykh struktur cherez postroyeniye regionalnoy innovatsionnoy sistemy = Practical implementation of an effective mechanism of integrated structures through the construction of a regional innovation system. *Innovatsii i investitsii*. 2023;2:235–241 (In Russ.).
2. Smirnova P.E. Istoricheskiye korni neoosmanizma vo vneshney politike Turetskoy respubliky = Historical roots of neo-Ottomanism in the foreign policy of the Turkish Republic. *Bulletin of Nizhny Novgorod University named after N.I. Lobachevsky*. 2023;1:56–66 (In Russ.). https://doi.org/10.52452/19931778_2023_1_56

3. Yeritsyan A.D. Evolyutsiya vneshnepoliticheskoy strategii turetskoy respubliki posle 2002 g = The evolution of the foreign policy strategy of the Turkish Republic after 2002. *Bulletin of the Transbaikalian State University*. 2019;25(4):47–53 (In Russ.). <https://doi.org/10.21209/2227-9245-2019-25-4-47-53>

4. Umanskaya L.A. Politicheskaya pravyashchaya elita sovremennoy Bolgarii: spetsifika i problem = The political ruling elite of modern Bulgaria: specifics and problems. *Kaspiyskiy region: politika, ekonomika, kultura*. 2019;58(1):169–174 (In Russ.). <https://doi.org/10.21672/1818-510X-2019-58-1-169-174>

5. Chebotar O.G. Politika Rumynii v Chernomorskom regione na sovremennom etape = Romania's policy in the Black Sea region at the present stage. *Obozrevatel*. 2019;12:37–49 (In Russ.).

6. Dragan D.G. Chernomorskiy region: vzglyad iz Bukharesta = The Black Sea region: a view from Bucharest. *Bulletin of the Diplomatic Academy of the Russian Foreign Ministry. Rossiya i mir*. 2019;22(4):103–113 (In Russ.).

7. Bistrina M.G. Politika Bolgarii v Chernomorskom regione = Bulgaria's policy in the Black Sea region. *Problemy postsovetского prostranstva*. 2019;6(3):279–287 (In Russ.). <https://doi.org/10.24975/2313-8920-2019-6-3-279-287>

8. Yakunin V.I., Akayev A.A., Kochetkov A.P. Vyzovy vremeni: Ustoychivost gosudarstva v usloviyakh sovremennoy transformatsii = Challenges of the time: State stability in the conditions of modern transformation. *Bulletin of Moscow University. Ser. 12: Political Sciences*. 2021;4:7–21 (In Russ.).

9. Akimova A.O., Akimov O.O., Semenko L.S. Politika Rossii v otnoshenii sootchestvennikov za rubezhom: potentsial razvitiya = Russia's policy towards compatriots abroad: development potential. *Postsovetский материк*. 2023;37(1):88–100 (In Russ.). https://doi.org/10.48137/23116412_2023_1_88

10. Zinchenko E.Yu., Khazov E.N. sobennosti konstitutsionno-pravovogo statusa sootchestvennikov v Rossiyskoy Federatsii = Peculiarities of the constitutional and legal status of compatriots in the Russian Federation. *Aktualnyye problemy administrativnogo prava i protsessy*. 2021;2:15–21 (In Russ.).

11. Vysotskiy P.A. Politika Turtsii v Chernomorskom regione = Turkey's policy in the Black Sea region. *Bulletin of the Diplomatic Academy of the Russian Foreign Ministry. Rossiya i mir*. 2023;37(3):80–91 (In Russ.).

12. Davletbakov S.K. Pantyrkizm i sovremennaya vneshnyaya politika Turtsii = Pan-Turkism and modern Turkish foreign policy. *Skif. Voprosy studentcheskoy nauki*. 2022;70(6):230–234 (In Russ.).

13. Dragan D.G. Transgranichnaya politika Rumynii na primere “yevroregionov” = Cross-border policy of Romania on the example of “Euroregions”. *Problemy postsovetского prostranstva*. 2020;7(2):227–236 (In Russ.). <https://doi.org/10.24975/2313-8920-2020-7-2-227-236>

14. Afanasyeva I.I., Voronkova O.N. Shoki sovremennoy mirovoy ekonomiki i ikh posledstviya = Shocks of the modern world economy and their consequences. *Bulletin of the Rostov State Economic University*. 2020;70(2):17–25 (In Russ.).

15. Getov P.V. Strategiya natsionalnoy bezopasnosti v ramkakh sotrudnichestva YES – Turtsiya = National security strategy within the framework of EU-Türkiye cooperation. *Voprosy politologii*. 2019;9(5):1083–1092 (In Russ.).

16. Kudayarov K.A. Turki za predelami rodiny: immigratsiya, etnichnost i religiya = Turks outside their homeland: immigration, ethnicity and religion. *Sotsialnyye i gumanitarnyye nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura. Ser. 9: Vostokovedeniye i afrikanistika*. 2021;4:6–30 (In Russ.). <https://doi.org/10.31249/rva/2021.04.01>

Об авторе:

Кузубов Алексей Алексеевич, кандидат экономических наук, доцент. Донской государственный технический университет, Институт опережающих технологий «Школа Икс» (РФ, 344000 г. Ростов-на-Дону, пл. Гагарина, 1), [ORCID](https://orcid.org/0009-0001-9210-4000), alexceyk@gmail.com

Поступила в редакцию 10.10.2023

Поступила после рецензирования 23.10.2023

Принята к публикации 28.10.2023

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

About the Author:

Kuzubov Alexey Alekseevich, Cand. Sci. (Economy), Associate Professor. Don State Technical University, Institute of Advanced Technologies “School X” (1, Gagarin sq., Rostov-on-Don, 344000, RF), [ORCID](https://orcid.org/0009-0001-9210-4000), alexceyk@gmail.com

Received 10.10.2023

Received 23.10.2023

Accepted 28.10.2023

Conflict of interest statement

The author does not have any conflict of interest.

The author has read and approved the final manuscript.